

РЯПУШКА И КЛЮКВА

Рассказ

Первый лёд хрупкий, но может порезать до крови. Трескучая паутина разбегалась по замёрзшей матовой поверхности озера. Многоугольные пористые пластины уходили в чёрную холодную воду, скребли резиновый корпус лодки, и сердце рыбака замирало. Михаил, опасаясь острых обломков, способных вспороть днище и борта ветхого челнока, специально сел на корму, дабы облегчить нос. Вёсла погружал мягко, плавно, без рывков.

Перволёдок застал врасплох. Вечером ничего не предвещало морозов. Михаил Сутулов ставил сети в тихих красноватых сумерках, быстро выгребал к знакомой поляне, стараясь вернуться до темноты, не чувствовал холода, даже вспотел и скинул отцовский ватник. Вытащив лодку, развёл костёр, попил чаю и лёг спать.

Проснулся он в четыре утра от холода, окна потрёпанной «Нивы» украсили серебристые узоры. Толкнув примёрзшую дверь, поёживаясь, вышел к воде и чертыхнулся: озеро у берегов покрылось льдом, хоть и тонким, толщиной в пару сантиметров, но очень опасным для его старенькой резиновой лодки.

Михаил вздохнул. Ничего не поделаешь, сети надо поднимать, иначе к весне снасть забьётся тиной и мёртвой рыбой.

Сутулов подкачал резинку, разбил веслом лёд, освобождая фарватер, откуда позволяли бродни, и отправился в свой «ледяной поход», как он сам усмехнулся про себя.

– Ледокол «Ряпуховый» на сутулой тяге отходит по расписанию, – пробормотал он под нос, выплюнул окурок и запрыгнул в утлый, едва возвышающийся над водой чёлн.

Михаилу Сутулову не чужда была самоирония.

С детства за ним закрепилась кличка Сутулый. Странно, если высокого застенчивого, постоянно сгорбившегося над книгами мальчика с фамилией Сутулов наградили бы другим прозвищем.

Сутулый не обижался. Во всяком случае, так казалось окружающим.

На востоке побледнело. Где-то далеко кричали запоздавшие журавли. Основные птичьи эшелоны улетели на юг пару недель назад.

Сутулов по дороге на работу наблюдал многочисленные стаи, ломаными клиньями разрезающие осеннее небо и оглашающие окрестности грустным гомоном, словно жалеющие людишек внизу:

– Курлы, курлы... Мы-то свободные и летим куда хотим, а вы давайте работайте, скоро вас засыплет снегом и наступит бесконечная зима. Жаль вас, жаль вас, курлы, курлы.

От этой картины и прощальных птичьих песен сердце у Мишки Сутулова сжималось от тоски. Он знал, что спасёт его только рыбалка. Пора было ехать за ряпушкой. Да и клюквы не мешало бы набрать.

Владимир Тренин родился в 1977 году. Работает инженером-геологом. Окончил КГПУ и аспирантуру при ИВПС КарНЦ РАН. Автор трех книг. Публиковался в журналах «Север», «Дружба народов», «Роман-газета». В «Волге» печатались рассказы (2022, 2023). Живет в Петрозаводске.

С началом осени он частенько застывал у прилавков в продуктовом магазине, где работал на все руки: грузчиком, фасовщиком, раскладчиком товара, иногда подменял кассира, не слышал звонков и ругани посетителей:

– Сколько можно ждать, откройте ещё кассу, – кричал самый решительный покупатель.

– Михаил, что с тобой происходит? Опять заснул, видишь, люди ждут, помоги, – ворчала и мягонько трясла Мишку за плечо администраторша Ксения Петровна, пухлая, добрая седая тётенька в очках на шнурке. – Ты не заболел случайно? Всё хорошо?

– Норм, – кивал он, как будто и не застопорился на несколько минут, бросал в тележку мятую пачку гречи, которую он всё это время неосознанно теребил в руках, садился на кассу. Пробка в горле магазина постепенно рассасывалась, и Сутулов возвращался к прилавкам.

– Норм, – так он отвечал старым приятелям в соцсетях на стандартные дурацкие вопросы: как сам, как жизнь и как дела? Обычно о нём вспоминали раз в год, когда поздравляли с днём рождения, а после того как Михаил скрыл личную информацию в профиле, и эти разговоры отпали. Теперь его праздники отмечались рассылками по электронной почте от банка, мобильного оператора и сайта государственных услуг.

Всё «норм» у Михаила Сутулова, а что могло быть ненормальным?

Жил он один, в своей, доставшейся от родителей, двухкомнатной квартире. Кредитов, ипотек не имел, не пил, не играл, работал, правда, зарплата маленькая, так и у него были небольшие запросы.

В реальной жизни, за пределами интернета, общался Михаил только с коллегами по работе и с соседкой – бабой Олей, сухонькой старушкой за восемьдесят. Она заехала в новый дом одновременно с родителями Михаила и знала его с рождения.

Отец Стулова трудился всю жизнь на заводе, вредных привычек не имел, не унывал никогда, странно, что жена бросила его и почему-то оставила сына. Это было так давно, Миша ходил в октябрятах, и о маме сохранилось мало воспоминаний: толстая русая коса да зелёный халат с ромашками. Ещё он помнил длинные пальцы и белые ладони, наполненные красной смородиной. Рука приближалась к его лицу, маленький Миша тянулся за ягодами, и рот наполнялся кислой горечью. Он морщился, а мама звонко смеялась.

Почему она не забрала его с собой? Наверное, не разрешил взять тот, новый? Возможно, ушла к интересному, более разговорчивому человеку, чем отец. Все семейные снимки, где присутствовала мама, папа сжёг в раковине на кухне. Едкий дым от горящей фотобумаги и сгорбленную фигуру плачущего отца Михаил не забудет никогда, а вот лицо мамы стёрлось из памяти. Иногда ему снилось, как высокий брюнет крепко хватает волосатой лапой родную прохладную ладонь с длинными пальцами и тащит маму за собой. В проёме открытой двери мелькает коса, женщина поворачивается, вот-вот Миша увидит её в профиль, а может и глаза, но чужой чёрный затылок над вытертыми плечами кожаного пиджака закрывает мамино лицо.

Сутулов-старший воспитывал сына в соответствии со своими чёткими понятиями о жизни. Всё по режиму – и сон, и приём пищи. С утра – зарядка, отжимания, гантели и холодный душ. Летом Михаил отправлялся в пионерский лагерь, сразу на две смены. Отец приезжал навестить сына один раз в месяц. Родные люди сидели под соснами за столом из тёмных от времени досок. Они хотели сказать друг другу что-то главное и тёплое, очень хотели, но не знали как.

– ...Да, всё хорошо, кормят норм... купаемся, никто не обижает, – мямлил Михаил, теребя сдвоенную длинную хвостик, пил принесённый отцом лимонад «Мальвина» из картонного стаканчика, закусывал шоколадом, рассматривал его рыжеватые седеющие усы и ждал окончания тягостного свидания.

Отец тоже вздыхал с облегчением, когда приходило время прощаться, неловко обнимал сына:

– Не грусти, Мишка, тоска – удел лентяев и бездельников, нам ли быть в печали, осенью поедем ряпуху ловить с ночёвкой на заветное озеро и клюквы наберём.

– Хорошо пап, – кивал Михаил.

Он не очень любил ездить на рыбалку, а уж тем более собирать ягоды, но не хотел разочаровать родителя. Сутулов всё готов был сделать, чтобы этот хмурый мужчина не расстраивался и не повторилась та сцена, когда папа рыдал на кухне.

Мишка делал уроки, помогал по дому, готовил ужин, выносил мусорное ведро, занимался в секции настольного тенниса три раза в неделю, поступил на лесоинженерный факультет, учился сносно, закончил всего с двумя тройками.

Как же так произошло, что он чувствовал себя несчастным и никому не нужным, ведь делал-то всё по плану, делал всё правильно?

Устроился на работу по специальности, женился сразу же после окончания университета. Через два года случился сбой, жена собрала вещи и ушла. Повторилась история его родителей, правда, ребёнка они родить не успели. В целом же ничего в его жизни не поменялось. Он работал в селекционном центре, получал грамоты на третье воскресенье сентября, занимался восстановлением леса. Выезжал за город в питомник, сушил сосновые шишки, луцил семена, высаживал деревья.

Нравилась ли Сутулову такая жизнь? Как это понять, оценить, кто скажет? Проснулся человек, пожарил яичницу, съел бутерброд или творожок, сполоснул глаза, зубы почистил, улыбнулся себе в зеркало и вперёд, на работу.

Сутулов, будучи студентом, даже вёл дневник до развода, где записывал впечатления и интересные события, погружался в серьёзную литературу, отдельно выносил запоминающиеся цитаты. Он почерпнул когда-то из умных книг, что страдание меняет личность, и человек после испытаний начинает смутно догадываться о своём предназначении. Михаилу казались странными подобные мысли. Ранние увлечения, круговорот событий, весёлые практики и студенческие пьанки не способствовали метафизическим размышлениям.

Спустя время крупницы света, не усвоенные много лет назад, начали проникать в его четко расфасованный, разложенный по нужным полкам, разум. Вот сейчас, без отца, оставленный матерью и женой, один, в пустой квартире. Для чего-то он оказался выброшен в эту жизнь?

Почему нельзя просто жить, радоваться и понять цель? Или цель вовсе не важна?

Значит, кто не страдает, кто не болеет, не мучается – и смысла своего существования не поймёт никогда? Может, эта жизненная рутинка, этот творожок каждый день и есть долгий путь к осознанию себя.

Страдал ли Сутулов? Да, наверно, так ему казалось, но разве могут переживания физически здрового мужчины сравниться с муками людей, поражённых смертельным недугом, или родителей неизлечимо больных детей. Возможно, обыденность существования Сутулова, как и большинства людей на земле, и есть главное испытание жизни?

Михаил не был плохим или жадным человеком, особой добротой не отличался. Посторонним людям помощь пожилой соседке показалась бы проявлением заботы и любви к ближнему. Скорее, это являлось обыденным автоматическим и равнодушным движением, подобно открыванию двери перед особями противоположного пола. Ну, попросила баба Оля купить что-нибудь, сходил, Михаилу не трудно. К соседке он относился с такими же чувствами, как к кусту шиповника у подъезда.

Приносил ей товар со скидкой, а баба Оля отсчитывала денежки из старинного кошелька кирпичного цвета. Иногда она угощала его чаем и серым беже, засохшим ещё при другом президенте. Все её подруги умерли, и Михаил остался единственным связующим звеном с миром людей.

Он покорно садился за стол и пил чай, немного морщился от запаха прокишей тряпки, но виду не подавал. Липкие ложки и потёртая клеёнка на столе. Михаил не хотел приходить в эту квартиру, но почему-то не мог отказать, а с недавнего времени жизненные обстоятельства так сложились, что связь соседки с Сутуловым стала неразрывной.

Баба Оля сама позвонила в его дверь однажды ранним субботним утром:

– Мишенька, прости, что побеспокоила. Помоги старухе, пенсию не принесли, сказали по телефону из банка, что теперь по карте надо получать.

– Да, баб Оль, сейчас оденусь, выйду.

На улице она взяла его под руку, как сына, и долго извинялась.

– Толкую им, я старая и не смогу. Они спросили, ходячая, не инвалид ли я? Ой и глупая, говорю, всё у меня хорошо, добреду. ...Вот и приходите. Дурында, не захотела больной притвориться.

Сутулов помог ей получить карту для начисления пенсии, подвёл к банкомату. Баба Оля передала ему зелёную пластину:

– Мишенька, сделай сам, а я посмотрю.

Пенсия у соседки оказалась больше чем зарплата у Сутулова. Михаила даже немного позабыл этот факт. Он получал тридцатник, иногда чуть меньше, шесть тысяч тратил на квартплату, на остальные жил, и даже удавалось откладывать на чёрный день.

«Старушка-то с деньгами, может, стоит освежить запас зефира в серванте?» – усмехнулся про себя Сутулов. Реликтовые злые смешки наверняка достались ему по наследству от мамы. Отец любил пустого зубоскальства.

– На жизнь хватает, не жалуясь. Всю дорогу в мэрии проработала экономистом, считаюсь госслужащей, государство доплачивает, да ещё на девятом десятке накинули, – словно оправдываясь и чувствуя мысли Михаила, рассказывала баба Оля по дороге домой.

Она пригласила Сутулова в гости, достала из серванта графинчик зелёного стекла и два гранёных лафитника. Дрожащей рукой нацедила тёмной вязкой жидкости.

– Выпьем сливовицы по такому случаю.

– Баба Оля, может не стоит? – вяло сопротивлялся Михаил.

– Ну, как? Такое дело, помог.

После настойки соседку потянуло на откровения.

– Чувствую, Мишенька, немного осталось. ...Племянник Федька в Свердловске живёт, на Урале, ты, пожалуйста, возьми его телефон, – она протянула ему свёрнутую бумажку из ученической тетради в клетку. – Как помру, свяжись с ним, единственный наследник, квартира ему достанется, пусть и хоронит тогда. Паршивец он последний, звонил уж и запаматовала когда, до эпидемии, спросил мой сотовый, а у меня и нет, зачем? Он свой продиктовал, сказал, всегда на связи. ... Неинтересно ему. А вдруг тётки нет в живых, лентяй, весь в отца, братца моего младшего.

– Живите долго, баба Оля, не надо думать о плохом, но если что случится, обязательно позвоню.

С этого дня раз в месяц соседка просила его сопроводить к банкомату. Внимательно следила за суммой на экране и тщательно пересчитывала купюры. Старушка снимала всю пенсию, уважала только наличность, расплачиваться картой за продукты принципиально не хотела.

Отношения их стали ближе. Иногда вечером, он сам не зная почему, заходил к ней. Слышала баба Оля плохо, телевизор молотил на полную громкость. Михаил скручивал звук и громко рассказывал свежие городские сплетни, подхваченные от продавщиц на новом рабочем месте.

Несколько лет назад карьера лесного инженера прервалась. Селекционный центр, где трудился Михаил, закрыли.

– Лес растёт долго, результата в столице не видят от нашей работы, считают, что мы бездельники, – подытожил на последней планёрке начальник Сутулова.

Контору распустили, огромные площади лесопитомников под городом ушлые люди сразу же перевели в нужную категорию землепользования и нарезали участки под элитную застройку.

В отличие от многих своих коллег, Сутулов не рвал волосы в отчаянии. Вечером, по окончании последнего дня службы, он спросил в ближайшем магазине о свободных вакансиях, получив согласие, уже утром вышел на смену. Администратора не смутило высшее образование и большой стаж на другом производстве. В торговле трудились бывшие лесники, учителя и научные работники, а большинство молодых ребят, устраивавшихся на работу, приходили со студенческой

скамьи не из профильных техникумов. Место по специальности в городе, где жил Сутулов, найти было очень трудно. Молодёжи жилось ещё сложнее. Социальные лифты давно застряли на одном уровне и привычно двигались по горизонтали, как электрички. Вчера ты был студентом, а сегодня – в красной кепке, меняешь масло во фритюрнице или сидишь на кассе в продуктовой лавке. Но всё равно ребята пытались искать и не задерживались в магазине, уходили в кафе, доставку еды и цветов, а Михаил решил остаться в своей торговой сети до пенсии.

Он, опытный лесной инженер, не стеснялся любой работы, наверное, сказывалось папино воспитание. Отец говорил: «Надо дело делать. Все люди созданы, чтобы работать».

«Ведь я делаю, пусть небольшое дело, но делаю, с какого же хрена мне так плохо, папа?» – Сутулов начинал догадываться, почему его бросила жена и от отца ушла мама: «Кто захочет жить со скучными людьми, цель у которых только работа?»

Водки он не пил, к продавщицам не приставал. Равнодушие к спиртному и противоположному полу вызывало кривотолки. Коллеги подозревали Мишку в нетрадиционной ориентации, и первое время это было поводом для соответствующих шуток. Сутулова называли «противным» и сватали к молоденьким таджикам, продающим орехи и сухофрукты в ларьке, на арендованной площади за кассами. Вскоре выяснилось, что Сутулов никакой и не «противный», а очень даже и «ходок». На Новый год он внезапно пригласил весь коллектив в полном составе к себе домой. Праздник удался. Две молодые кассирши остались ночевать, и что там было, можно только догадываться. Кажется, он смог чем-то их поразить. У девушек выпытывали:

– Ну и как Мишка?

Допрашиваемые молчали, переглядываясь с улыбкой. Загадочность добавила Михаилу очков и окружила его таинственным ореолом героя-любownika. Слухи разлетаются со сверхсветовой скоростью в женском коллективе. Подозрения в гомосексуальности растянули вместе с прошлогодним снегом. Продавщицы начали смотреть на него с желанием, даже с вызовом и некоторой обидой: и почему он раньше не обращал внимания на коллег по работе?

Теперь он стал своим. Сутулов возвысился, а Ксения Петровна, в один прекрасный день на утреннем чаепитии перед открытием магазина, сказала, что Миша Сутулов похож на актера, играющего Ришелье в фильме про мушкетёров, такой же носатый, длинный, худой и задумчивый. Ещё усики отрастит, вылитый кардинал!

Молодые кассирши, не смотревшие популярный в своё время фильм, нашли в интернете фото актера Александра Трофимова в красной прелатской шапочке, удивлялись: «правда, похож».

– Девки, а вы заметили, какие у Мишки крупные ладони, как лопаты? – громко спросила уборщица Зинка с дугообразно подведёнными синими бровями, придающими её испитому лицу удивлённое выражение.

– Угу, и что?

– А вот что, моя бабка говорила: чем больше кисти у мужчины, тем крупнее у него хозяйство, – яркие и изогнутые брови, как Гималаи на картинах Рериха, взметнулись к небесам. Зинка торжественно оглядывала притихших продавщиц и фасовщиц.

Все вопросительно посмотрели в сторону Наташки, одной из счастливиц, ночевавших у Сутулова.

Покрасневшая кассирша не стала дожидаться расспросов, поставила чашку, задвинула стул.

– Без двух восемь, пора открывать, – Наташка неожиданно громко хлопнула дверью комнаты для приёма пищи, провожаемая десятью парами любопытных глаз.

– Ну что, девки, надо брать мужика в оборот, – сказал кто-то.

В атмосферу было вброшено слово, и Сутулов даже и не мог и подумать, каким романтично-привлекательным шлейфом вдруг обернулась его скромная фигура. Даже высокомерные девицы из косметического салона выше этажом зачастили в продуктовый отдел, с любопытством поглядывая на долговязого задумчивого продавца.

– Что было с кассиршами-то, расскажи, – спросил как-то запоздавшего Михаила охранник Ипполит, закрывающий общий выход из торгового центра.

- Ничего, напились да облевали всё. Я полночи квартиру отмывал, – соврал Сутулов.
- Всего-то делов, а разговоров, эх... – Ипполит разочарованно махнул рукой.

Сутулов аккуратно выгреб на чистую воду. Лодка пошла веселее. Добравшись до места, Михаил бросил длинный ржавый болт на бечёвке и зацепил притопленную сеть. Верхоплавом снасти не ставил, боялся рыбнадзора. Он периодически застывал, как зверь, вглядываясь в горизонт, обращался в слух: не тарактит ли мотор?

Тишина. Только поскрипывала заиндевевшая резина под броднями. Михаил с усилием тянул шнур, встряхивал снасть от воды и укладывал на дно ветхого плавсредства. Он поставил ряд на триста метров. Вытащил первую сетку с двумя маленькими вялыми ряпушинами. Начало не вдохновляло, хотя место уловистое, то самое, сюда он приезжал с отцом, и вода ледяная, подходящая для нереста.

Сутулов выбирал сеть, вспоминая слова возбуждённого отца, вытаскивающего добычу:

– Бляха-муха, рыбы-то, свезло нам, сына!

– Пап, ну ты чего?

– Извини, Мишка вырвалось, – Сутулов старший редко ругался.

Потом, после рыбалки и сборов, очистив сети, загрузив улов и багахло в багажник, отец, немного успокоившись, по дороге домой за рулём «Нивы», читал лекцию:

– Ряпушка, маленькая рыбка из рода сигов, очень красивая, с плавничком на спинке между основным и хвостовым, похожим на запятую, он называется жировым, у семейства лососёвых как визитная карточка. Знай, Мишка, увидишь такой плавничок – улыбнулась тебе удача!

Как-то гостил у Сутуловых дальний родственник из Москвы. Отец ради такого случая вытащил из морозилки пакет, наварил и нажарил ряпухи.

Гость морщился:

– Не понимаю, что вы в ней находите. Мы такое не едим. Форель я люблю, сейчас её много в магазинах, а эта салака не по мне, мелковатая.

– Имя форели обещено, нет никакой форели, всё, что вы там покупаете у себя в магазинах, это гадость синтетическая. Мясо красной рыбы не должно иметь оттенок жаркого заката. Природное – оно прозраченькое, легкого нежно-оранжевого тона. А от вашей искусственной яркой рыбины глаза режет и ядовитого жира в сковородке по рубчик. Ни в коем случае не бери садковую форель. Если бы ты знал, какой мерзостью её кормят. Ряпушку в сезон покупай, замораживай, и будет тебе счастье весь год, – так учил отец непутёвого столичного родственника.

– «Ряпушка самая лучшая рыба на свете», – любимая отцовская присказка, которую он постоянно повторял, прихлёбывая уху. – Вкуснее рыбы, чем ряпушка и сиг, нет и не было в этом мире, так учил меня дед, а он, между прочим, промысловик со стажем. Раньше ряпушку бочками заготавливали, солёных сигов обозами в столицу возили...

«Разве пустая снасть должна так тянуть ладонь?» – Михаил оживился, увидев поднимающуюся с глубины мерцающую мозаику.

– Вот она рыба моя, ряпуха родная, сколько же её?

Сеть, слегка нагружавшая руки в глубине, становилась невыносимо тяжёлой над водой. Рыба блестела, билась и казалась, лодка наполнялась живым серебром и могла пойти ко дну под грузом. Пришлось отвязать ряд и грести к берегу.

Он возвращался ещё два раза. Разбитого льда уже не боялся, волновался только, что рыба не влезет в багажник.

С трудом загрузив в «Ниву» улов, заполнив все мешки и ёмкости, Сутулов решил на обратном пути посмотреть клюкву, остановился на краю болота и, сам не ожидая от себя, набрал целых два ведра. Они всегда так делали с отцом, хотя маленькому Мише после рыбалки очень не хотелось вылезать из нагретого салона машины на промозглое болото. Сегодня мох покрылся белой измо-

розью и хрустел под ногами, странно, он даже получил удовольствие от сбора ягоды, чего раньше терпеть не мог:

– Старею, – хмыкнул Сутулов.

Приехав домой, раскидал ряпушку и клюкву по полиэтиленовым пакетам, закинул в старую морозильную камеру, места не хватило, большую часть рыбы оставил в мешках на балконе, благо мороз поджимал.

До полуночи Михаил рассматривал в интернете морозильные камеры. Некоторые агрегаты обошлись бы ему в полугодовую зарплату. Он оставил закладку на странице поисковика и выключил компьютер.

На следующее утро притащил на работу рюкзак с ряпушкой, раздал продавщицам, чем ещё более повысил свой авторитет.

Тянулись дни. Сутулов раскладывал продукты, ловил воришек, выбивал на кассе товар. С началом зимы он почти не стопорился у прилавков. Реже всплывали в памяти детские обрывки: плеск озёрной воды, запах дыма, резко уходящий под воду поплавок и рыба, бьющаяся на крючке.

В последний раз завис, когда вытаскивал лотки с просроченной курицей со дна холодильников, будто поднимал сеть, наполненную рыбой. Сердце замерло, и он мечтательно улыбался. Громкий скандал на кассе вырвал его из сладких грёз. Администратор Ксения Петровна держала за плечо нервную худенькую женщину, ещё не старую, но с одутловатым серым лицом, верным признаком глубоко пьющего человека.

– Что вы себе позволяете! Только зашла пшена купить попугаю, а тут локти выворачивают, – уверенно и нагло заявила пойманная дама с упаковкой крупы в руках.

– А это что? – Ксения Петровна показала на узкие джинсы, сквозь грязную ткань которых проступали очертания бутылок.

– У меня опухоль на коленях! – закричала маленькая бродяжка.

– Сейчас я тебя вылечу, встряхивай опухоль свою, а то ментов вызову, – администратор прекрасно понимала, что полиции дела нет до таких случаев, но приём работал.

Воровка с трудом вытащила из каждой штанины по бутылке водки, передала тару Михаилу, вырвалась от ослабившей хватку Ксении Петровны и убежала.

– Беги, беги, чтобы больше тебя здесь не видела! – крикнула ей вслед Ксения Петровна и подмигнула Сутулову

– Алкашка, опухоль у неё, придумают же? – смеялись пенсионерки в очереди.

Михаилу почему-то стало жалко эту маленькую дрожашую заблудшую женщину.

Он взял водку, пробил на кассе, сказал, что деньги закинет позже, выскочил из магазина, спрыгнул со ступенек, догнал воровку и всунул ей бутылки в руки:

– Держите.

– Спасибо, неожиданно и приятно. Мужчина, хотите познакомиться? – спросила она игристым тоном. – Вы опоздали, я занята.

– Держите и больше не воруйте.

– Пошёл ты ...!

Михаил с сочувствием посмотрел в злые заплавленные глаза, поднялся обратно к двери, обернувшись, увидел, как женщина передала водку потрепанному человеку с палкой, тот радостно ухватился за спиртное, отвернул крышку и отхлебнул. Она взяла его под руку. Пара удалялась всё дальше и дальше, бездомный сильно хромал, а маленькая спутница что-то рассказывала ему и яростно жестикулировала. Эти люди, возможно, были влюблены друг в друга, и не показались Сутулову несчастными.

Вечером Михаил разморозил пакет с ряпушкой, сварил ухи. Поел сам и принёс кастрюльку бабе Оле. Он уже делал так несколько раз после того знаменательного улова.

– Что-то в сон тянет, я спать уже приготовилась, не ждала тебя, – соседка зачерпнула немного жидкости с кружочками жира, поднесла ложку ко рту, шамкнула беззубым ртом, закрыла глаза. – Вкусно, люблю ряпушковую уху.

Минуту они молчали.

– Ешьте на здоровье, баба Оля, рыбы ещё много, – нарушил тишину Сутулов.

– Спасибо тебе Мишенька, за всё... – она откинулась на спинку дивана.

– Да бросьте... – Сутулов задумался о своей жизни, о странной паре, увиденной сегодня. – «Хромого бездомного алкоголика любят, а любил ли кто-нибудь меня? Только отец, наверное. Всё так прожито несерьёзно и мимо», – ему показалось, что эта старая женщина сейчас самый близкий для него человек. Он очнулся, подняв голову, увидел, выпавшую ложку из рук соседки.

– Баба Оля! – Сутулов вскочил и легонько потряс её за высохшие плечи. Прислушался. Старушка не дышала. Пульса не было.

Она как будто бы задремала, выражение лица было счастливым и умиротворенным, может потому что в затухающем мозгу теплилось последнее ощущение в жизни, вкус ухи из маленькой рыбки рода сигов.

Михаил Сутулов растерянно вышагивал по комнате, он видел покойников в своей жизни, но никто не умирал в его присутствии. Надо было что-то делать. Позвонить? Проблем не хотелось. Полицейские косые взгляды, протоколы, вызовы на допрос, вдруг заподозрят в убийстве, накормил бабку неизвестно чем, она и умерла.

«Как объясню, что делал в чужой квартире именно в момент смерти?»

Он уже проходил однажды свидетелем по краже и не хотел связываться с судебной волокитой.

«В конце концов, умер же не родственник, одинокая женщина, мало ли умирает одиноких старух по всей стране», – так он рассуждал про себя.

Михаил вылил уху в унитаз, вымыл посуду и забрал с собой кастрюлю. Немного замешкался в прихожей в поисках ключей, увидел на крючке рядом с зеркалом, улыбнулся отражению по привычке. Посмотрел в глазок, убедившись, что на площадке никого нет, вышел из квартиры, закрыв дверь на два оборота.

Он курил и думал на своей кухне без света. Мысли кружились, сталкивались между собой.

«Почему так волнуюсь, в конце концов, я же её не убивал. Умерла тётка от старости. Посидит на диване. Можно так говорить о мёртвом человеке: посидит? Осталось тело, оболочка. Процесс разложения начнётся, запах в подъезд. Я первый подниму тревогу, вызову полицию».

Михаил представил, как баба Оля медленно гниёт, тлетворный дух заполняет квартиру, наверное, это будет долго длиться. Учитывая кубатуру гостиной, коридора, прихожей.

«А вдруг открыта форточка? Диван у окна. ...Форточка. Никто не почувствует месяц, а то и больше. Плоть распадается и слезает вонючими кусками с лица и дряблых рук, в её глазницах копошатся черви».

Сутулов вздрогнул: «Да что же это такое!»

Включил свет. Достал из холодильника початую бутылку коньяка, оставшуюся от продавщиц с новогодних посиделок. Плеснул в стакан, с трудом выпил, зажмурился, нащупал графин, разбавил бюджетную ванильную горечь кипятком.

Михаил решил не оставлять покойную соседку. Нашёл бумажку с телефоном племянника бабы Оли. Позвонил, ответила женщина, Сутулову не показалось это странным, он попросил позвать мужа.

– Простите, я с плохой вестью, тётя Оля сегодня умерла.

– У меня нет никакой тёти Оли, что за шутки. До свидания, – усмехнулся мужчина. – Так меня ещё не разводили.

– Подождите, а вы разве не её племянник Фёдка, простите Фёдор, с Урала, города Свердловска, то есть Екатеринбурга.

– Я не Фёдор и живу в Тамбове. До свидания.

Михаил покачал головой: «Шутник этот Фёдка, не хотел, чтобы бабуля беспокоила лишний раз. ...А может, она мне по ошибке чужой телефон дала?»

Сутулов прокрался на цыпочках через лестничную площадку, отворил дверь в соседскую квартиру, чертыхнулся на себя за двойной оборот ключей.

Стараясь не смотреть по сторонам, открыл сервант. Пахнуло запахом лекарств и старого печенья. Блеснул графинчик с настоек. На нижней полке теснились упаковки со сладостями. Наверху Михаил разглядел старинную жестяную коробку от чая. Рядом лежал знакомый кошелек кирпичного оттенка. Сутулов покосился на диван, выдохнул и открыл кошелек. В одном отделении аккуратно уложены деньги, недавняя пенсия соседки, а в другом банковская карта. Михаил вскрыл коробочку и ахнул. Внутри свернулась толстая пачка купюр.

Чёрный холодный червь проник в сознание:

«Ведь никто не узнает. ...Я звонил племяннику, последнюю волю исполнил. Нет на свете Федыки. Одинокая баба Оля придумала себе родственника. Карта, скоро пенсия. ...Зачем теперь ей это?»

В голове сложился план. Собравшись с силами, глянул на соседку: «Сидит, улыбается, интересно, как там?»

Сутулов аккуратно завернул тело в серое покрывало. Выключил свет, заглянул на балкон и приготовил место, убрал хлам и горшки, под голову кинул подушку. Перенёс ношу с дивана на бетонный холодный пол. Странно, невесомая на вид старушка оказалась очень тяжёлой. Отдышавшись, Михаил сходил в спальню, взял пуховое одеяло и накрыл кокон с телом.

Деньги рассовал по карманам, карточку зажал в ладони, коробочку и кошелек с небольшим остатком пенсии положил на место. Прислушался, нет ли кого на лестнице, прикрыв дверь, тихо хонько щёлкнул замком, повернув на один оборот.

Он покрывлся испариной, так не волновался со студенческих лет, когда списывал на экзаменах. Закурил, немного успокоившись, пересчитал деньги. В пачке было больше трёхсот тысяч рублей. Михаил, выпив коньяку, разглядывал наличку и пластиковую карту.

«Зелёные и красные бумажки, что вы делаете с людьми?»

– Мишка, это чужое, – Сутулову послышался голос отца.

– Папа я потрачу на хорошее дело. Карта ещё не скоро кончится, код знаю, подкоплю пенсию. Придёт время, бабу Олю похороню. Ей уже не нужно. Всё сделаю. Тебе памятник хороший поставлю, а то с продаванской зарплатой за всю жизнь не накопишь. Новую лодку куплю, большую, ты мечтал о такой.

– Кого ты обманываешь? Старушка будет лежать на балконе весну, лето, осень? Я догадывался, Мишка, что ты фантазёр, но не настолько же! Да в ближайшую оттепель уже плюс. В нашем-то климате, – усмехнулся голос.

Михаил рванулся к компьютеру. И точно! Проклятый циклон, мороз заканчивался через пару суток, к концу недели обещали аномальное потепление и дожди.

Он долго тупил на иконки, изображающие тёмные тучки с выпадающими косыми линиями, под которыми синел жирный плюс и цифра пять. Помутневший от коньяка взгляд ползал по экрану сонной весенней мухой, растерянно и бесцельно. Всякая ерунда с артистами, горячими новостями, перемежалась рекламными картинками с сайтов резиновых лодок, моторов, холодильников.

Сутулова озарило. Судорожно защёлкав мышкой, открыл недавнюю закладку. Посмотрел наличие самых больших домашних морозильных ларей в ближайшей точке продаж бытовой техники и кинул покупку в корзину.

Засыпал он счастливый и немного пьяный.

На следующий день отпросился на час у Ксении Петровны, сбегал в магазин, оплатил агрегат наличными и заказал доставку товара на вечер.

Большая коробка с трудом разворачивалась на лестничных переходах. Вспотевший Михаил руководил процессом. Он хотел занести покупку в квартиру покойницы, тербил горячую связку ключей в кармане, но как назло в это время поднимался сосед из квартиры напротив. Он не торопился, тактично остановился на площадке ниже и ждал, когда освободится проход. Сутулов готов был его задушить. Быстро открыл свою дверь и пропустил грузчиков:

– Ребята ставьте в большой комнате вдоль стены, я потом сам справлюсь.

Сосед, проходя мимо, вежливо поздравил:

- С обновкой вас. Холодильник?
- Да, – кивнул Сутулов, стряхивая пот со лба.

Подключив морозильную камеру, он снял сетки для продуктов, освободив ёмкость на всю глубину. Мёртвую старушку решил перенести сегодня же ночью. Дождавшись двух часов, открыл дверь нараспашку. Проскользнув в соседскую квартиру, рывком поднял тело, закутанное в серый саван, промчался чёрной тенью через гостиную, прихожую и лестничную площадку, чудом не зацепив мебель и углы. В его большой комнате ждала, светилась уютным зовущим огнём открытая морозилка, волшебный саркофаг, космическая капсула для анабиоза, готовая принять своего путешественника.

Сутулов нежно погрузил тело и закрыл крышку. Прислушался. Так обычно замирал на рыбалке: не тарыхтит ли мотор рыбанадзора. Тишина в доме, только мирно гудел шедевр холодильной техники.

На следующий день он освободил старую «Бирюзу», выключил от сети, решил продать по объявлению. Пакеты с ряпушкой и клюквой разложил, замаскировал главное содержимое. Михаил подумал, что так будет правильно, мало ли заглянет кто, опять же экономия электричества.

Новый год Сутулов отмечал в одиночестве. Приготовил оливье, поджарил рыбы, даже купил шампанского. После обращения президента открыл морозилку, чокнулся бокалом о крышку.

- С Новым годом, баб Оля, с новым счастьем!

Крючковатый нос, покрытые инеем сморщенные щеки старушки обрамляли прозрачные полиэтиленовые пакеты, наполненные клюквой. Свободное пространство морозилки занимали ягоды, а от подбородка спускались многочисленные кульки с ряпушкой, и казалось, что баба Оля покоилась в роскошной пурпурной королевской мантии с серебряной оторочкой.

Сутулов долго смотрел на неё. Заиндевшие мёртвые губы улыбались.

– Хорошо же, баба Оля? Вы как спящая королева, в ряпушке и клюкве. Не обессудьте, полюбите, а потом я схороню. Сделаю, обещаю. И памятник, оградку, всё как у людей.

В дверь позвонили. Михаил аккуратно накрыл лицо соседки большим пакетом с рыбой и хлопнул крышкой. Замешкался, куда поставить бокал, так и пошёл с недопитым шампанским открывать дверь.

– Не спит, смотрите. ...С шампунем встречает! ...Вот это я понимаю, Мишка, можешь же, когда захочешь! Это год будет обязательно счастливым! – в прихожей раздался знакомые возбуждённые голоса продавщиц.

– Ого, жареной ряпушкой пахнет! Девки, я же говорила, у Мишки деликатесы фирменные. ... Наливай, друг сердешный! Хотя что ты можешь предложить? У нас есть свои, строевые напитки.

Днём, выпроводив последних гостей, он убрался на кухне, вымыл посуду. Вынося мусор, Михаил услышал на площадке звонок в квартире покойницы, остановился, стал шарить по карманам, сделал вид, что искал зажигалку. Трезвон длился несколько минут, кто-то упорствовал на том конце провода.

Возвращаясь, Сутулов опять услышал звонок, очень долгий, нервный. Вечером не включал телевизор и компьютер, замер, сидя посредине своей кухни на табурете в режиме тишины, словно лёг на дно в подводной лодке с выключенными двигателями. В двадцать один час четырнадцать минут опять позвонили. Он сквозь дрему отчётливо различил противный звук, ошибки быть не могло, проверил, приложил недавно вымытую от оливье широкую салатницу к стене: звонок пробивался отчётливо и упрямо.

Михаил взял ключи, открыл дверь соседки, поднял и сразу отодвинул трубку от уха, оглушённый радостным пьяным басом:

– Алло, тётя Оля, ну вы дрыхнуть, не дозвонитесь до вас, начал волноваться, чесслово. Узнали? ...Это же я Федя, Федька, с наступившим вас, с новым счастьем! Думал, нет тётки, таво, пора за ключами от квартиры выезжать. Шучу! Привет от ...

Сутулов зажал дрожащей ладонью клавиши отбоя, аккуратно положил трубку и вышел из чужой квартиры, закрыв замок на один оборот.